

Только что пожениться и уже хотеть развода — в современности такое называют браком по залёту, а в Хунхуане — проявлением неуважения к Небесному Пути.

Очевидно, что ни Фан Цану, ни Юаньши не желали выказывать неуважение к Небесному Пути, поэтому Юаньши, поддержав потерявшего сознание Шанцина Тунтяня, бросил взгляд на стоявшего неподалеку Фан Цану, который застыл с Копьем из Драконьей Кости в руках, и произнес:

— Дело вышло поспешным, и тебе, думается, это не по душе. Не лучше ли юному другу обождать здесь, на горе Куньлунь, пока Тунтянь не очнется, а уж после мы всё уладим.

Тун речи, обращенной Юаньши к Фан Цану, был вполне вежливым. Как-никак, некогда Клан Драконов властвовал в Хунхуане; и пусть ныне они пришли в упадок, но стоногая тварь и в смертный час не теряет извивающейся силы, к тому же сокровища старого корабля еще долго служат гвоздями. По этой причине Юаньши вовсе не хотел наживать врага в лице Фан Цану.

Фан Цану убрал Копье из Драконьей Кости, посмотрел на Юаньши, кивнул и согласился:

— Пожалуй, так.

Сказав это, Фан Цану перевел дух: к счастью, этот склонный защищать своих родичей Юаньши не стал нападать на него за то, что тот вырубил Шанцина Тунтяня.

А в это время Юаньши, глядя на бесчувственного Шанцина Тунтяня, нахмурился так, что меж бровей залегла глубокая складка. Этот наследник Клана Драконов родился едва ли с культивацией Золотого Бессмертного, и даже с учетом Копья из Драконьей Кости, выкованного из позвоночника Цзулуна и заслуг Клана Драконов по усмирению Восточного Моря, он никак не смог бы отправить в нокаут Шанцина Тунтяня, чья ступень была уже много выше — на уровне Золотого Бессмертного Дало.

Размышляя об этом, Юаньши все сильнее убеждался в том, что Шанцин Тунтянь предается праздности и ничему не учится: превосходить других на целых две ступени и в итоге быть вырубленным кем-то — это никуда не годится! Как только Шанцин Тунтянь придет в себя, он непременно заставит его затвориться для медитаций на долгое время.

Пока Юаньши ломал голову над тем, как бы упрятать Шанцина Тунтяня в затворничество, Фан Цану последовал за ним вглубь горы Куньлунь. Видя попадавшиеся тут и там духовные растения и дивных зверей, Фан Цану был вынужден признать, что гора Куньлунь, будучи сердцем Паньгу, поистине является местом, где собрана вся духовная красота природы, а Саньцин, родившиеся прямо на Куньлуне, неизменно любимы как самим Паньгу, так и Небесным Путем.

Когда Фан Цану вслед за Юаньши ступил за защитную формацию, оставленную Паньгу для охраны Саньцин, в его сердце невольно шевельнулся холодок. Он мгновенно понял: если кто-либо посмыслит замышлять зло против Саньцин внутри этой формации, Небесный Путь незамедлительно покарает дерзкого смертью.

Мысленно Фан Цану не удержался от восхищения: поистине Саньцин пользуются особой любовью небес и земли.

— Прошу юного друга присесть и отдохнуть здесь немного, — произнес Юаньши и, подхватив Шанцина Тунтяня, поспешно скрылся в другой формации, исчезнув из виду.

Стоило Юаньши уйти, как отрок, принявший облик белого журавля, поднес Фан Цану духовные фрукты и ключевую воду. Осмотревшись по сторонам, Фан Цану уселся на циновку из травы путуань и погрузился в медитацию с закрытыми глазами.

Тем временем Юаньши, только что перенесший бесчувственного Шанцина Тунтяня в обитель, застал там Лао-цзы с безмятежным выражением лица — тот выглядел так, будто вовсе не слышал недавних речей о спутниках жизни.

— Старший брат, — не выдержал Юаньши, обращаясь к Лао-цзы. — Тунтянь сочетался узами сожительства с наследником Клана Драконов, неужто тебя это совсем не тревожит?

Наконец Лао-цзы вышел из состояния глубокого сосредоточения. Посмотрев на Юаньши, он тяжело вздохнул и молвил:

— Следует следовать естественному течению вещей.

Лао-цзы практиковал недеяние и полагал, что не стоит вмешиваться в естественный ход событий, а потому вся эта история с навязанным Небесным Путем спутником жизни для Шанцина Тунтяня волновала его куда меньше, чем Юаньши.

Услышав это, Юаньши разъярился еще сильнее. Тряся безвольное тело Шанцина Тунтяня, он выпалил:

— Естественному течению? Какому еще естественному течению! Он позволил какому-то Золотому Бессмертному вырубить себя ударом, и это тоже оставить на волю течения? Боюсь, скоро он даже трактат Хуантин разучится читать!

— Что? — Лао-цзы с изумлением уставился на потерявшего сознание Шанцина Тунтяня, и прежнее выражение безмятежности вмиг слетело с него.

Юаньши уложил Шанцина Тунтяня на облачное ложе и с брезгливым видом произнес:

— Его собственный суженый приложил. Живо приведи его в чувство, а после пусть расторгает этот союз с наследником драконов.

Услышав это, Лао-цзы торопливо подошел к Шанцину Тунтяню, обхватил его запястье, чтобы исследовать состояние внутри тела, и в конце концов опустил руку брата с крайне неопределенным выражением лица.

Золотой Бессмертный Дало, поверженный ударом простого Золотого Бессмертного — где ни посмотри, а история смехотворная.

— Как только он очнется, пусть расторгает узы с драконьим наследником, а я заставлю его уйти в затвор, — нахмурившись, заявил Юаньши; в голосе его звучала непреклонность, не допускающая возражений.

Лао-цзы беспомощно вздохнул. Он и прежде редко поддерживал методы воспитания, которыми Юаньши усмирал Шанцина Тунтяня, однако на сей раз не произнес в защиту брата ни единого слова.

С этими мыслями Лао-цзы и Юаньши принялись безотлагательно вливать духовную энергию в тело Шанцина Тунтяня, желая ускорить его пробуждение.

Брови юноши в черных одеждах и с иссиня-черными волосами были сведены к переносице, лицо бледнело, словно он претерпевал невыносимую муку.

Шанцин Тунтянь не ведал, где находится; ему казалось лишь, что череда сменяющих друг друга видений разрывает его сердце на части. Созерцая, как один за другим уходят дорогие ему существа, он испытывал такое бессилие, от которого душа рвалась на куски. Это дало ему понять: даже Святые не властны изменить предначерцанное судьбой.

В тот миг, когда мириады бессмертных учения Цзецзяо были преданы истреблению, Шанцин Тунтянь содрогнулся и изверг полный рот крови. Спустя мгновение чей-то чуткий облик в черных одеждах подхватил его и помог подняться.

— Ты... — Шанцин Тунтянь поднял взгляд, и в глазах его отразилось изумление: лицо стоявшего перед ним даоса точь-в-точь походило на его собственное, разве что нрав казался куда более мрачным и угрюмым.

— Я — это ты, — тихо промолвил даос в черном и прижался лбом ко лбу Шанцина Тунтяня. Миллионолетние воспоминания хлынули лавиной, сокрушая сознание того, кто лишь недавно ступил на ступень Золотого Бессмертного Дало, так что он полностью утратил рассудок и погрузился во тьму.

— Тунтянь, очнись.

Кто-то звал его.

Шанцин Тунтянь разлепил веки. Первым, что предстало его взору, было обеспокоенное лицо Юаньши. Не успел Шанцин Тунтянь раскрыть рта, как ощутил, как собственная его культивация стремительно взмывает ввысь.

Средняя ступень Золотого Бессмертного Дало, поздняя ступень Золотого Бессмертного Дало, пик Золотого Бессмертного Дало... И когда сила Шанцина Тунтяня уже готовилась прорвать пик Золотого Бессмертного Дало и достичь уровня Полусвятого, он тут же волевым усилием пресек этот рост, зафиксировав свою культивацию на пике Золотого Бессмертного Дало.

Стоявший рядом Юаньши остолбенел от увиденного. Ему еще никогда не доводилось встречать того, кто за считанные мгновения перепрыгнул бы от ранней ступени Золотого Бессмертного Дало прямо к его пику. Однако для Шанцина Тунтяня, в прошлом бывшего Святым, в этом не было ничего удивительного: великий Путь обретения святости он уже познал от и до, и куда страннее было бы оставаться на прежнем месте.

— Ты... — Юаньши не находил слов, а затем не удержался от вздоха. — Получив по голове, ты, однако, знатно продвинулся в культивации.

Пусть Юаньши и находил странным столь стремительный рост силы брата, глубоко вдаваться в причины он не стал, списав всё на то, что после удара, нанесенного драконьим наследником, Тунтяня внезапно озарило.

— Получил по голове? — пробормотал Шанцин Тунтянь, не сразу вспомнив, кто именно приложил его столь щедро — в конце концов, миллионы лет памяти клубились в голове, и упорядочить их все разом было непросто.

Заметив это, Юаньши вздохнул и принялся укорять брата:

— Ах ты, горе луковое! Будучи славным Золотым Бессмертным Дало, умудрился свалиться от удара простого Золотаря. Раз уж очнулся, отправляйся со мной к тому драконьему наследнику — расторгнем узы сожительства.

Слушая слова Юаньши, Шанцин Тунтянь нахмурился. Наследник Клана Драконов? В его прежних воспоминаниях Цзулун никогда не оставлял прямых потомков. К тому же... при слове «суженый» Шанцин Тунтянь рефлекторно приложил ладонь к груди и почувствовал, что нити его судьбы действительно сплелись с чужой жизнью.

А Юаньши тем временем решительно поднял Шанцина Тунтяня на ноги и потащил за собой, намереваясь представить его тому самому дождавшемуся снаружи наследнику драконов.

Стоило им выйти из пределов великой формации, как слишком яркий свет заставил Шанцина Тунтяня прищуриться. Затем его взору предстал юноша в белых одеждах, украшенных драконьими рогами, который травинкой дразнил сидевшего неподанкуля кролика, некогда выращенного самим Тунтянем.

Кожа юноши была поразительно белой, под лучами солнца излучая полупрозрачное сияние, и Шанцин Тунтянь безошибочно распознал его истинное происхождение.

Неужто и вправду чистокровная кровь Цзулуна? Шанцин Тунтянь слегка изумился внутри, а затем в его глазах вспыхнул живой интерес: персонаж, которого в его прежней жизни не существовало — не был ли он тем самым ускользнувшим от Небесного Пути изъясном? Особенно ощущая ту тесную связь, что пульсировала между ним и юношей, Тунтянь твердо решил: никакого расторжения союза не будет.

Увидев вышедшего с Юаньши Шанцина Тунтяня, Фан Цану торопливо спрятал травинку за спину и поспешил отступить от кролика на пару шагов.

— Приветствую двух даосов. Ранее я имел неосторожность оскорбить уважаемого даоса, надеюсь, вы не держите зла, — проговорил Фан Цану, бросив опасливый взгляд на Шанцина Тунтяня в надежде, что тот не окажется злопамятным.

Шанцин Тунтянь при этих словах чуть заметно улыбнулся уголками губ: представленный перед ним юноша выглядел куда послушнее, чем в миг их первой встречи.

Юаньши кивнул Фан Цану и произнес:

— Юный друг, не беспокойся. Прошу тебя, расторгни сейчас же узы с Тунтянем.

Фан Цану закивал, готовый избавиться от этой связи сию же секунду.

Однако Шанцин Тунтянь, бросив на Юаньши и Фан Цану ленивый взгляд, протянул:

— А я не хочу расторгать союз.

Сказав это, он подмигнул Фан Цану, отчего тот буквально остолбенел.

— Тунтянь! — громогласно окликнул его Юаньши.

— Дорогой сотоварищ Тунтянь, насильно мил не будешь, — опустив голову и изо всех сил сдерживая собственный нрав, процедил Фан Цану.

Но Шанцин Тунтянь лишь лениво скользнул по нему взглядом, после чего коснулся кончиками своих подобных нефриту пальцев собственных губ и произнес:

— Нет, насильно милый плод — слаще всего.

В следующий миг он увидел, как округлившиеся от изумления глаза юноши распахнулись еще шире, выдав в нем точную копию испуганного оленя. Это зрелище так позабавило Шанцина Тунтяня, что он тихонько рассмеялся.

— Тунтянь, раз уж наследник драконов согласен на расторжение, чего ты медлишь? — голос

Юаньши сделался суровым.

Шанцин Тунтянь прекрасно улавливал недосказанность в словах Юаньши — мол, не стоит позволять благословию их рода Саньцин быть омраченным бременем драконьего племени.

— Старший брат, у меня есть несколько слов для моего суженого. Как только мой спутник жизни разрешит мои сомнения, я тотчас расторгну с ним союз, — мягко произнес Шанцин Тунтянь, глядя на Юаньши. Тон его был неспешным, но в нем таилась непреклонная сила, которой Юаньши не мог противиться. — Прошу брата пока удалиться и оставить нас вдвоем потолковать.

Юаньши тяжело фыркнул, но возражать не стал и, развернувшись, молча зашагал прочь.

Как только Юаньши скрылся, Шанцин Тунтянь взмахнул рукой, воздвигнув вокруг них изолирующий барьер, скрывающий любые утечки небесной ци.

Не ощущая больше ничего извне, Фан Цану растерялся еще сильнее: ему казалось, что нынешний Шанцин Тунтянь не имеет ничего общего с тем прежним.

— Говори же, кто ты такой на самом деле. Насколько мне помнится, у Цзулуна никогда не оставалось прямых потомков, — с беззаботной вальяжностью глядя на Фан Цану, произнес Шанцин Тунтянь.

Однако Фан Цану чувствовал, что взгляд Шанцина Тунтяня острее любого клинка — он словно обнажал все его тайны, выставляя их на показ.

— Кто ты такой? — Фан Цану крепче сжал рукоять Копья из Драконьей Кости. Интуиция подсказывала ему, что перед ним действительно Шанцин Тунтянь, но вовсе не тот, каким он был доселе.

— Глава учения Цзецзяо, Шанцин Тунтянь, — с улыбкой отозвался тот.

Изумление Фан Цану готово было выплеснуться через край, как вдруг чья-то рука опустилась на его макушку.

— Ты ведь и вправду что-то знаешь, мой маленький спутник жизни, — опустив взгляд на юношу-дракона, промолвил Тунтянь. — Давай заключим сделку: я помогу тебе сохранить твою тайну и уберегу от стирания Небесным Путем, а ты, будучи моим суженым, станешь тем самым ускользнувшим избытком творения и поможешь мне повернуть вспять судьбу Цзецзяо.

Сказав это, Тунтянь взгляделся в лицо юноши, но обнаружил лишь выражение крайнего отвращения.

— Я что, требую от тебя чего-то невозможного? — не удержавшись, осведомился Тунтянь.

Фан Цану шумно втянул воздух и прямо посмотрел на него:

— Будь увереннее в себе, убери слово «невозможного».

<http://bllate.org/book/21824/2259950>